

завтрак на руинах

breakfast in the Ruines

Глава 6 ЛОНДОНСКАЯ ПОТОГОНКА 1905: ПОСЛАНИЕ

(продолжение)

Гул из подполья стал громче. Комната дрожала, как при землетрясении. Карл жадно поглощал вкусный суп, наклонясь над миской на дальнем конце длинной скамьи. Суп был с мясом и овощами. На другом конце скамьи Коврин со стариком о чем-то тихо разговаривали. Казалось, они совершенно забыли о своих мисках, в которых остывал суп. Из-за «подпольного» шума Карл почти не слышал, о чем они говорили. Но по доносящимся до него обрывкам слов он сделал вывод, что разговор крутился главным образом вокруг убийств, пыток и ссылок. Карл сидел и удивлялся: все эти люди, похоже, совершенно не замечали шума.

Женщина, которую звали Таня, предложила ему добавки. Карл не прочь был съесть добавку, но чувствовал себя очень странно. Сытная пища почему-то не ложилась в желудок. Карл чувствовал, что в любой момент его может вырвать. Но он прикладывал все усилия, чтобы удержать пищу в животе. Ведь это означало бы, что ему не нужно будет есть на ночь.

Он набрался смелости и спросил женщину, что это за шум.

— Здесь под вами что, подземка?

Она улыбнулась.

— Это всего лишь печатный станок, — она указала на пачку листовок, лежащих на скамье. — Мы рассказываем английскому народу, что творится в нашей стране, как мы изнываем под игом аристократов и эксплуататорских классов.

— А английский народ хочет об этом знать? — задал Карл циничный вопрос. Его собственный жизненный опыт уже подсказал ему ответ.

И снова она улыбнулась.

— В подавляющей массе нет. Тут у нас есть другие листовки — они несут вашему крестьянству весть о том, что творится в России, в Польше и других местах. Но мы просвещаем не только крестьян. Некоторые из листовок и газет вернутся в те страны...

Старик поднял голову и приложил палец к губам. Он укоризненно покачал головой, глядя на Таню, а затем подмигнул Карлу.

— Меньше знаешь — крепче спишь, молодой человек.

— Мой отец был наборщиком в Польше, — сказал Карл. — Может быть, у вас найдется для него работа? Он говорит на русском, польском и идиш. Он образованный человек.

— Мы не можем много платить, — сказала Таня. — Разве что ваш отец согласится работать ради идеи?

— Не думаю, — сказал Карл. — А это необходимо?

— Да, — внезапно проговорил Коврин. Красные пятна на его скулах стали еще заметнее. — Прекрати задавать вопросы, мальчик. Подожди немного. Я думаю, мне понадобится повидаться с Песоцким.

Карл не стал говорить Коврину, что он понятия не имеет, где найти Песоцкого. Если он отвезет Коврина назад, в Уйтчепл, он наверняка сможет заработать еще. Возможно, это выгорит. Кроме того, вдруг ему удастся познакомить отца с одним из этих людей? Может быть, они сумеют подыскать отцу какую-нибудь работу. Тогда их семья снова станет уважаемой. Карл посмотрел на свою одежду и почувствовал себя грязным и нищим. Мокрая одежда уже почти высохла.

Час спустя шум под полом прекратился. Карл едва это заметил. Он уже почти заснул, склонив голову на руки. Кто-то, казалось, зачитывал нечто вроде списка. Ритм чтения странным образом напоминал ритм работы печатного станка.

— Элизелина Кральченская — тюрьма. Вера Ивановна — Сибирь. Дмитрий Константинович — мертв. Егор Семенович — мертв. Дукмасовы — все трое мертвы. Сестры Лебезятниковы — пять лет тюрьмы. Клиневич — мертв. Кудяевы — мертв. Николаевич — мертв. Первоедовы — мертв. Петрович — мертв. А еще я слышал, что они дотянулись до Тарасевича в Лондоне и убили его.

— Да, это так. Бомба. Используя против нас бомбы, они ловко настраивают против нас полицию. Получается, что мы подрываемся на наших собственных бомбах, или я не прав? — Старик засмеялся. — Вот уже несколько месяцев они пытаются отыскать эту явку. В один прекрасный день сюда влетит бомба, а потом газеты разнесут известие об очередном несчастном случае — еще одной кучке нигилистов, которые взорвали сами себя. Мы же вечно возмемся с бомбами, это всем известно. Какой же, право, нигилист без бомбы? Ну ладно, а что слышно о Черпанском? Я слышал, он в Германии...

— Они выследили его. Он бежал. Думаю, что сейчас он в Англии. Его жене и детям сказали, что он здесь.

— Да, это так.

Карл заснул. Ему снилась уважаемость. Он, его отец и мать — вся их

семья живет в здании Парламента. Но почему-то они по-прежнему продолжают вкалывать на мистера Армфелта...

Коврин потряс его за плечо.

— Просыпайся, мальчик. Ты должен меня отвезти к Песоцкому.

— Сколько? — пробормотал Карл со сна.

Коврин горько улыбнулся.

— Тебе был преподан хороший урок, ведь так?.. И ты быстро научился. — Он положил на стол еще полгинеи.

Карл схватил монету.

— Вы, народ... — начал было Коврин, но осекся. Он пожал плечами и повернулся к старику. — Кэб мы здесь можем поймать?

— Вряд ли. Лучше идти пешком. К тому же так будет безопаснее.

Карл накинул на плечи одеяло и встал. Ему не хотелось уходить из теплого помещения, но в то же время не терпелось показать родителям богатство, которое он добыл. Ноги были словно ватные. Карл вышел из комнаты и встал возле входной двери, ожидая, пока Коврин обменяется несколькими напутственными словами со стариком.

Коврин открыл дверь. Дождь прекратился. Было темно и тихо. Должно быть, уже очень поздно, подумал Карл. Дверь за ними захлопнулась. Карл поежился. Он смутно представлял себе, где они находятся, но примерно знал, где Темза. Оказавшись на набережной, можно будет найти мост, и тогда станет понятно, где они. Карл надеялся, что Коврин не будет слишком сердиться, когда обнаружится, что Карл не сможет его отвести прямо к Песоцкому. Они с Ковриным пошли по холодным пустынным улицам. Некоторые были слабо освещены газовыми фонарями. Из темноты время от времени слышались кошачьи вопли, лай собак, а иногда злобное бормотание, доносящееся из темных домов, мимо которых они проходили. Один или два раза недалеко простучал колесами по брусчатке кэб. Они с Ковриным пытались остановить кэб, но кэбмен то ли вез пассажиров, то ли просто не хотел останавливаться.

Карл сам удивился, до чего легко ему удалось найти лондонский мост. Пройдя над черным мраком Темзы, Карл приобрел и теперь шел куда более уверенно. Коврин молча шагал рядом.

За следующие полчаса они добрались до Олдгейт. Здесь было светло. Горели лампы возле ночных кафе. К свету, как мотыльки, стягивались пьянчуги, которым не хотелось идти домой, бездомные, разнобачие, те, что жили случайными зара-

ботками, и даже уважаемые джентльмены, которым надоело знакомиться с жизнью городского дна в Степни и в Уйтчепл, и которые теперь пытались поймать здесь кэб. Были здесь и несколько женщин — тощие и на вид больные. В свете, струящемся из окон ночных кафе, их худые, ярко размазанные лица напоминали Карлу иконы, которые он видел в комнатах русских, живших на том же этаже, что и его семья. Даже потемневшие от грязи шелка и потертый бархат их одежды напоминали одежду святых на иконах. Две женщины бросились было к Карлу и Коврину, что-то призывно крича, но Карл со своим спутником быстро прошли через пятно света на мостовой и исчезли в темноте лабиринта аллеи, что тянулись от дома, где жил Карл.

Карл теперь думал лишь об одном: поскорее попасть домой. Он понимал, что отсутствовал дольше, чем рассчитывал. Карлу не хотелось, чтобы родители беспокоились о нем.

Они миновали темный и затихший паб. Теперь Коврин настороженно шел за Карлом. Карл подошел к двери дома, где он жил. Родители наверняка спят уже, а может быть, все еще работают. Семья Карла снимала комнату над цехом.

Коврин прошептал:

— Песоцкий что, здесь живет? Ты можешь теперь идти.

— Я здесь живу. Песоцкий сказал, что сам найдет меня здесь, — наконец нашел в себе смелость ответить Карл. Признавшись, он почувствовал облегчение. — Понимаете, Песоцкий должен мне пять шиллингов. Он сказал, что придет сюда и заплатит. Возможно, он ждет нас внутри.

Коврин выругался и толкнул Карла в сторону от света, сочащегося из-за двери. Карл сморщился от боли, когда рука русского сильно жала его плечо возле шеи.

— Все будет хорошо, — промямлил Карл. — Песоцкий придет. Все будет хорошо.

Хватка Коврина ослабла. Русский глубоко вздохнул, поднес руку к носу и почесал нос, насвистывая сквозь зубы какую-то мелодию и размышляя над тем, что Карл ему сказал. Карл толкнул ручку двери, и они оказались в узком коридоре. В коридоре была темнота — хоть глаз выколи.

— Спичка у вас найдется? — спросил Карл.

Коврин зажег спичку. Карл нашел огрызок свечи и подал его Коврину. Русский успел зажечь свечу в последний момент перед тем, как спичка обожгла ему пальцы. Карл заметил, что в другой руке у Коврина пистолет. Это был очень странный

пистолет: с вытянутой прямоугольной металлической коробкой, опускающейся вниз от ствола перед спусковым крючком. Карлу никогда не доводилось видеть изображение подобных пистолетов. Он подумал: может быть, Коврин сам его сделал?

— Ну ладно, теперь куда? — проговорил Коврин. Он поднес пистолет к свету свечного огарка. — Если я заподозрю, что ты ведешь меня в ловушку...

— Песоцкий придет, — сказал Карл. — Это не ловушка. Он сказал, что встретится со мной здесь. — Карл показал на лестницу без перил. — Может быть, он там. Посмотрим?

Коврин несколько мгновений сосредоточенно думал, а затем покачал головой.

— Ты пойдешь. Посмотришь, нет ли его там. Если он там, приведешь его сюда, ко мне. Я буду ждать.

Карл оставил Коврина с горящим огарком и начал подниматься по лестнице. Карлу надо было в темноте одолеть два пролета лестницы без перил. Еще когда они подходили к дому, Карл заметил, что света в окнах нет. Впрочем, этого и следовало ожидать. Мистер Армфелт знал закон и всегда принимал меры предосторожности. Эту часть Уайтчепл фабричные инспекторы посещали редко, но все-таки незачем было лишний раз привлекать их внимание. Если инспекторы прикроют бизнес мистера Армфелта, где еще люди смогут найти работу? Карл заметил слабый свет, пробивающийся из-под двери. Он открыл ее. Газовый рожок был вывернут почти до конца. В помещении царил полумрак. За столом сидели женщины, дети и мужчины, склоняясь над шитьем. Отец Карла поднял голову, когда Карл вошел. У отца были красные воспаленные глаза. Он щурил их. Руки его тряслись. Было ясно, что он ждет Карла. Карл заметил, что мать лежит в углу помещения. Прилегла, чтобы вздремнуть.

— Карл! — Отец встал, пошатываясь. — Что с тобой стряслось?

— Дело оказалось более долгим, чем я ожидал, отец. Я уже заработал кучу денег и это еще не все. Принесут еще. Кроме того, там внизу человек, которого я встречал. Он может предоставить тебе работу наборщика.

— Наборщика? — Отец Карла потер глаза и снова сел. Казалось, он с трудом понимал, что говорил ему Карл. — Наборщика? Твоя мать была в панике. Она хотела уже обращаться в полицию. Она думала — несчастный случай...

— Я отлично поел, отец, и заработал ку-

чу денег. — Карл полез в карман. — Тот русский дал мне деньги. Он очень богат.

— Богат? Сытно поел? Ладно, утром все мне расскажешь. Ступай наверх. Мы с матерью скоро придем.

Карл понял, что его отец настолько устал, что не понимает. Карлу приходилось видеть уже отца таким.

— Ты иди, отец, — сказал он. — Я, кстати, и поспал. Кроме того, мне надо закончить кое-какое дело, прежде чем я пойду спать. Этот молодой русский, который приходил сегодня, он возвращался?

— Тот, что дал тебе работу? — отец поворачивал глазами и потерял их. — Да, он приходил примерно четыре или пять часов назад. Интересовался, не вернулся ли Ты.

— Он приходил, чтобы заплатить мне за работу, — сказал Карл. — Он не сказал, он еще вернется?

— Думаю, да. У него был озабоченный вид. А что случилось, Карл?

— Ничего, отец. — Карл вспомнил о пистолете в руке у Коврина. — Ничего, что касалось бы нас. Когда Песоцкий вернется, все закончится. Они уйдут.

Отец Карла встал на колени подле матери, пытаясь ее разбудить, но она никак не хотела просыпаться. Отец Карла лег рядом с ней и тут же заснул. Карл улыбнулся, глядя на них. Когда они проснутся, они будут наверняка несказанно удивлены, увидев 25 шиллингов, которые он к тому времени заработает. Но что-то смутно омрачало радость Карла. Карл нахмурился, он понял, что это пистолет, который он видел в руках у русского. Карл надеялся, что Песоцкий скоро вернется и что они с Ковриным уйдут прочь. Карл понимал, что не может сейчас просто так отослать Коврина, потому что в этом случае вряд ли Песоцкий заплатит ему пять шиллингов. Так что надо было ждать. Карл увидел, что кое-кто из сидящих за столом повернулись и смотрят на него. Взгляды были почти враждебными. Возможно, они завидуют его удаче. Карл вызывающе посмотрел на них, и сидящие тут же вернулись к своей работе. В этот момент Карл ощутил, каково это — быть мистером Армфелтом. Вряд ли мистер Армфелт был богаче тех, кого он нанимал. Но у него была власть. Карл понял, что власть — это почти так же хорошо, как деньги. Даже немножко денег уже дают большую власть. Он с презрением оглядел комнату, людей с мрачными замкнутыми лицами, скорчившихся в углу на грязном полу своих спящих родителей. И улыбнулся.

В помещение вошел Коврин. Руку с пистолетом он сейчас держал под пальто. Лицо его было бледнее, чем обычно. Резко выделялись красные пятна на скулах.

— Песоцкий здесь?

— Он придет. — Карл показал на спящего отца. — Мой отец сказал, что он придет.

— Когда?

Карла начало забавлять ковринское беспокойство.

— Скоро, — отозвался он.

Сидящие за столом люди снова подняли головы. Одна молодая женщина сказала:

— Вы мешаете нам работать. Шли бы куда-нибудь трепаться в другое место.

Карл засмеялся. Смех был визгливым и неприятным. Даже сам Карл испугался собственного смеха.

— Да мы и так не собираемся здесь оставаться, — сказал он. — Так что давайте, валяйте, работайте.

Молодая женщина что-то проворчала, но вернулась к шитью.

Коврин с отвращением смотрел на них.

— Дурачье, — сказал он. — Вы всегда будете жить в дерьме, если только сами не попытаетесь изменить свою судьбу. Вы все жертвы эксплуататорского класса.

Отец молодой женщины, что сидел рядом с ней, сметывал шов на брюках. Он поднял голову и — кто бы мог ожидать? — в его глазах блеснул огонек иронии.

— Да, ТОВАРИЩ. Ты прав, — сказал он. А руки продолжали шить. — Такие мы все — жертвы.

— Вот и я о том. — Коврин выглянул наружу за дверь. Видно было, что он на пределе. — Вот и я о том же. — Он шагнул за дверь. — Я подожду на площадке, — бросил он Карлу.

Карл тоже вышел за ним на площадку. Высоко над ними сквозь крохотное слуховое окошко сочился бледный свет. Окно было почти целиком заколочено кусками фанеры. Из помещения за дверью доносился стрекот швейных машин. Карлу показалось, что стрекот машинок похож на шебуршание крыс, рыщущих в темноте в поисках пищи. Карл улыбнулся Коврину и сказал развязно: — Да он спятил, этот старикан. Я к тому, что они и вас причислят к жертвам. Ведь у вас денег куры не клюют, а мистер Коврин?

Коврин не ответил. Казалось, он не замечал Карла.

Карл сел на верхнюю ступеньку. Сейчас он почти не чувствовал холода. Завтра у него будет новое пальто.

(Продолжение следует)